

III ШОК Доктор де Лайзе, сжавшись, не сводил глаз с элегантной фигуры в соседнем номере, которая, не подозревая о наблюдении, совершенно естественно выполняла за оскорбительное вознаграждение действия, оправданные разве что пылкой страстью. Он прогнал Теа Раковицу и англичанина с радушной задницей. Остался один. С потным лбом выпил бокал шампанского, не отрывая глаз от постыдного спектакля. Это была конечно Луиза де Беске. Она не потеряла ни достоинства, ни грации. Она ничуть не выглядела проституткой ни, тем более, пылкой любовницей. Она предстала женщиной света, слегка отрешённой, безмятежной, невозмутимой, которая совершаet нечто... деликатное столь естественно. Какие гадости? Де Лайзе ничего не замечал. Луиза тоже выпила шампанского. Потом снова вернулась к задыхавшемуся мужчине. Он приподнялся и спросил её о чём-то. Она налила в бокал красный ликёр и поднесла ему. Он выпил, потом, кажется, захотел, чтобы Луиза сделала что-то, что юная девушка мягко отвергла со светской улыбкой, когда не хочется категорически говорить нет. Он настаивал. Луиза подобрала подол и показала ему свою попку. Он обнял с пылкой страстью, и де Лайзе не видел насмешливой полуулыбки на лице девушки. Мужчина выказал глубокое огорчение чем-то, и де Лайзе увидел, что это было: его член теперь был мягким и обвислым. Он смотрел с тоской. Он по-прежнему желал наслаждения, но ему требовался конкретный толчок сладострастия. Луиза опустила юбку, она была на ногах и делала вид, что ждёт сигнала от лохматого, который с разбитым сердцем всё показывал свой член, который теперь совсем сжался. Она попыталась оживить член рукой, но не преуспела. Села мужчине на колени, подняла платье и прижалась своей плотью к обмякшему приапу. Поёрзала с минуту, затем слезла. Впустую. Определённо, этот человек не желал ни делать обычную любовь, ни воспользоваться её нормальной подменой. Де Лайзе увидел, что Луиза согласилась принять это в рот. Что может быть хуже, почему она не отказалась? И доктор в течение всей этой сцены однако оказался не в состоянии презирать эту женщину, которую он любил три года с нарастающим безумием, и ничто отныне не разлучит их. Эта любовь в нём навсегда. Скорее, он с отвращением констатировал, что это неожиданное зрелище ещё сильнее распалило его любовь и сделало её ещё менее переносимой. Он любил... Луиза всегда отказывала, но отказывалась ли? Де Лайзе готов был отдать всё состояние, чтобы узнать. Наконец дочь марквза де Беске с явным оживлением изящно разделась. Мужчина взмолился. Когда она оказалась в нижней рубашке, он достал из кармана чековую книжку, подписал бумажку и протянул её девушке. Она взяла её и спокойно положила в сумочку с золотыми застёжками, которая висела на спинке стула. Потом Луиза, практически голая, потянулась. Она стала ещё чудесней. Она красиво подняла вверх руки, показала рыжие подмышки, её идеально округлая грудь красиво выступала наружу, а также её вульва, которую де Лайзе никогда не видел... Она прекрасно играла роль девочки, оставаясь хорошо образованной женщиной, целомудренной даже в разврате, с естественными, простыми и непринуждёнными поступками. И этот парадокс пьянил доктора, упоённого бешеным влечением. У Луизы по-прежнему была цель. Она должна была возбудить мужчину. Но этому монстру требовалось только содрать шкуру. У де Лайзе перед глазами прошёл его опыт. Он не нашёл ничего, чем мог бы отпугнуть тогда эту красивую девушку там в замке де Беске, которая с тех пор... Он страдал от непонимания, что было

сделано не так, и боялся неизвестности. Он стремился встретиться с ней глазами, но они ускользали. Он увидел, как мужчина сбросил фрак, потом жилет, потом брюки. Развитие событий потрясло де Лайзе до такой степени, что он еле сдержался, чтобы в ярости не ворваться в соседний кабинет и не спросить: «А что это ты собираешься тут делать?!» Он вскипал. Мужчина снял ещё и рубашку. Сбросил кальсоны. Он остался в каком-то сетчатом трико. Де Лайзе оценил, как психотерапевт: - Вот парень, который всю свою молодость мастурбировал два-три раза в день. Он затренировал его так, что тот теперь вялый. Этот длинный член с приплюснутой головкой свидетельствует о горячих ручках. И он дрожал его яростно, как ребёнок, у которого бушуют гормоны. По-этому теперь у него красный стручок. Луиза и её спутник постояли какое-то время лицом к лицу. Кажется, девушка опять возражала и просила отложить или отменить обязанность. Но тот снова показал на своё висящее мужское достоинство. Возникла дилемма. До доктора дошло, что незнакомец хотел растянуть Луизу в зад. Он увидел прекрасные женские ягодицы, девственное нетронутое колечко ануса. Насильно расширенный сфинктер не может вернуть обратно своей узости. Де Лайзе, представил, что прямо сейчас, этой ночью растянут девушки, которую он любит. Он ужаснулся, представил, как бы он сам, с каким наслаждением, овладел этой сочной дырочкой. Сейчас, если б эта живая мягкая попка была перед ним, он бы не устоял перед искушением бешено овладеть ею. У этого стройного тела все изгибы, все линии сходятся к анусу. Он первый раз осознал. Вот где подлинный центр притягательности женщины. Кажется все сужающиеся линии указывают в середину между ягодицами и привлекают... Это призыв... *Hic habitat f& licitas...* (Здесь обитает счастье. – Лат.) Де Лайзе устыдился, неожиданно обнаружив в себе содомита. Но серединка, перед такой женской формой не испытать всего напряжения от желания... и какого желания!.. Доктор до боли всё пытался понять, как он может желать в любовницы женщину, которую столько лет любил, и которую теперь видит в двух шагах, как она предлагает... бесстрастно... Тем временем незнакомец снял с крючка свою шубу и расстелил на полу. Эти приготовления ошпарили спрятавшегося наблюдателя, который воображал себя в застенках инквизиции под мучительной пыткой. Он всё хотел догадаться, что там случится дальше, но ответ всё затягивался. Его раздражало, что собственный срам распух почти до боли и требовал, не смотря на недавнее педерастическое извержение в англичанина, нового освобождения переполненных каналов. Расстелив шубу, мужчина сел сверху. В этот момент Луиза что-то сказала или возразила ему. Но он пропустил мимо ушей. Он весь побагровел и единственная мысль о том, что он сейчас будет делать и испытывать, восстановила цвет и твёрдость его члена. - Приближается развязка... — Сказал себе де Лайзе. Незнакомец, сидя на полу, вернее на шубе, что-то посоветовал Луизе, что она приняла с ироничным вздохом. Она ещё что-то сказала воодушевлённо, как будто он раскрыл страшную тайну. Тогда он лёг на спину. Он был на три четверти холоднее, чем де Лайзе, и... Луиза подошла, присела над мужской фигурой в позе, которая фактически позволяла ни что иное, как куннилингус, и доктора наконец осенило. У него отлегло от сердца. И действительно, как только Луиза поднесла промежность вплотную к подбородку мужчины, тот широко разинул рот, и его пылающий член забился от воздействия желания, которое не должно давать удовлетворения. Он требовал писать ему в рот. Поза была идеальной, Луиза, улыбнувшись, что-то ещё сказала. Он согласился. Она пошла соответственно за салфетками, которые ждали на столе момента, когда пара соблаговолит поужинать, и положила одну лежащему человеку на лицо, а другую

под голову на шубу. Затем она вернулась в ту же позу. Де Лайзе увидел восхитительный анус, чуть-чуть расширенный от усилий девочки, которая хотела пописать. Это была маленькая розовая штучка, вздувшаяся между крепких глянцевых ягодиц. Сдавленная бёдрами плоть образовывала те изящные складочки, что греки придали Венере на корточках. Вульва слегка приоткрылась между раздвинутых ног коралловой чертой, вокруг которой была очень тонкая шёрстка, похожая на траурную тень, и образовала маленький треугольник, ограниченный складками в паху и животом. Девушка наклонилась вперёд, чтобы не упустить зрелище, её насмешливое лицо одновременно хранило выражение простодушия и заинтересованности. Вероятно, такое у неё попросили впервые. Она пыталось. Видно было, как задрожала от напряжения спина и в промежности вздулась плоть. Наконец она сказала партнёру слово, и тот широко распахнул рот. Глаза его заблестели, и он погрузился в сладострастный экстаз. И Луиза стала писать. Первая струя задела правое ухо мужчины, но девушка поправила прицел. Подвинув зад, она нашла правильную позу, и де Лайзе увидел белую струйку, которая брызгала сверху вульвы прямо в широко открытый рот, образуя идеальную кривую. Мужчина размеренно глотал так, что поток соответствовал впитыванию. А в это время конец пьющего фонтанировал семенным ликёром с силой, которая свидетельствовала об удовлетворении наконец неистового желания. С момента, когда он захотел, в его теле накопилось столько давления от сдерживаемого удовольствия. И успех наконец наступил, оргазм исполнился согласно желанию, высвобождая наслаждение с потрясающим эффектом. Самым интересным для де Лайзе было увидеть, как струя спермы попала точно в розовую анальную дырочку Луизы. Но у молодой девушки желание писать было слабое, и она остановилась. С минуту подождала ещё, не вставая. Мужчина, кажется, просил нового орошения. Получилось внезапно и густо, и член, который после эякуляции обмяк, снова воспрянул. Потом Луиза встала, улыбаясь, сказала что-то насмешливо и неспеша оделась. Ссунувшись, человек с пустыми глазами и ватными членами, с измочаленным пенисом и зажатым носом, казалось, был не способен пошевелиться. Когда Луиза оделась, она обратилась к нему и изъявила желание уйти. Тот попросил помочь. Он встал, с трудом оделся, знаком пригласил девушку выпить и поесть. Но очень холодно и очень достойно с извинениями, как понял де Лайзе, вежливыми и изящными, она явно выразила желание уйти. Доктор включил свет, позвал метрдотеля, вручил ему тысячу франков и опрометчиво дал своё имя. Оказавшись на улице за дверью он закурил сигару и застыл, разглядывая толпу. Ярко разодетые с чрезвычайной изысканностью, они выглядели завсегдатаями клуба и, как и он, ждали стоя у входа. Вдруг за спиной раздался чей-то голос: - Ой! Как интересно!.. Привет моя дорогая Луиза! Де Лайзе услышал за собой скрип шёлкового платья. Он медленно обернулся. Роскошная, завёрнутая в расшитую золотом мантию, в шляпе с перьями и фероньеркой на лбу перед ним стояла Луиза де Беске. По виду этой женщины, благоухающей и гибкой, надменной, с пристальным неподвижным взглядом, хранящей презрительную улыбку на невинном лице, с походкой... кто-бы мог сказать, что ещё пол-часа назад она делала... то, что де Лайзе видел? Доктор оцепенел. Он в отчаянии подыскивал слова. Целая вселенная лежала между Луизой де Беске, стоявшей перед его глазами, и женщиной, которая в то же время пишет в рот восточному шуту и поклоннику, который не решился обращаться с ней, как другие. И всё таки это было, как тогда, три года назад, когда де Лайзе хотя бы наполовину, ртом, обладал ею на скамейке на главной аллее замка де Беске. Оба смотрели друг на друга минуту. Но если де Лайзе был смущён в душе и растерян, то её чувственное сильное лицо ничем не выражало внутреннего

беспокойства. Она догадывалась, что не следует задевать этого человека перед ней, которого она знала. Притворяться, что не узнала, — грозит скандалом. Тем более, такиеочные заведения кишат шпицами и журналистами в поисках пикантных историй. По-этому, протягивая руку, она сказала с видом важной дамы, принимающей просителя: - Здравствуйте, доктор! Скажите, что мне будет стоить встреча с вами так поздно? Этот дерзкий вопрос отбил всё, что де Лайзе намеревался сказать. Ему понадобилась секунда, чтобы восстановить самообладание. Он подумал: «Какая изумительная женщина!..» - Моя дорогая Луиза, — ответил он наконец со светским видом, — мне было скучно, и я подумал, что подобное ночное заведение изгонит мои чёрные мысли. - Хорошо! — Сказала она. — И лечение было успешным? - Признаться, нет. Но скажите мне, вы пришли сюда с теми же намерениями? Это позволит мне составить график лечения ипохондрии фаллосом. Она рассмеялась: - Фаллосом... Для меня хорошо. Но вам может повредить. - Вам тоже! — Сказал он грубо. Она смотрела на него в упор с вызывающей сердечностью. - Такие повреждения красят женщин... Он признался: - На самом деле вы изумительно прекрасны. Обаятельная, волнующая. Она наклонилась к де Лайзе с доверительным видом, у него кольнуло сердце. - Полагаете, вы знаете меня, мой дорогой? Я видела... Нокаут, он не реагирует, этот мускусный аромат с примесью фиалки и розы, подчёркивающий, что она зажгла в его сердце всё пожирающий огонь. Он взял её под руку потому, как вокруг пары стала собираться толпа любопытных, которые несомненно были профессионалами. - Пройдём чуть подальше. Слишком много ушей вокруг нас. Она согласилась. - Это правда. Выберемся наружу. Он сказал сокрушённо: - Ах, Луиза! Вы не поверите, как мне больно слышать, как юная девушка знакомая Беске говорит таким тоном: «Наружу». Она засмеялась: - Меня чрезвычайно забавляют рассуждения о нравственности, мой дорогой де Лайзе, от человека, который был любовником моей матери. Убитый, доктор опустил голову. Он держал её под руку и чувствовал, как эта голая рука жгла его. - Луиза, я всегда любил вас! Она сказала насмешливо: - Я тоже! - Это правда? — Выплюнул он с возмущением. — Ах, не говорите так с вашей усмешкой, или я вас... Она вытащила свою руку: - Ах! Это, друг мой, вы сошли с ума! Вы говорите, что любите меня? Я думаю, я этого заслуживаю? Я красивая, у меня много других достоинств, и я — уникальный инструмент удовольствия для мужчины. - Я знаю! — Беспощадно прошептал он на ушко. — Я всё время был в соседнем с вами кабинете. Я видел, как вы мастурбировали, сосали и ублажали Марксвейллера. — Внезапно всплыло имя, которое говорила ему Тea. Луиза побледнела. По спине поползли ледяные мурашки от того, что де Лайзе увидел, когда она считала, что место совершенно уединённое. Поскольку она почувствовала сейчас предупреждение, ведь у неё в глубине души тайно жило неясное желание встретить этого человека, которого она не забыла. По-этому, правда с иронией, Луиза и сказала, что тоже любит. Доктор вдруг прочёл жестокую враждебность на красивом лице. Он понял, что борьба свернулась в его пользу, и он победил. Он поспешно прошептал: - Я уже забыл. Я никогда не вспомню. Ах! Луиза, я сожалею, что сказал вам это, и мое раскаяние должно меня оправдывать потому, что в борьбе между двумя нашими гордостями я сдаю вам оружие. Она молчала. Он продолжил: - Я никогда не забывал вас. Я думал о вас, Луиза, все последние три года. Это стало кошмаром. Я не могу жить без вас. Ваша тень преследует меня днями и ночами. Вы владеете мной, как никогда гипнотизёр не владел своей жертвой. Я люблю вас, будьте моей. Она по-прежнему молчала. Он принял это за согласие, и его сердце наполнило огромное счастье. Он чуть не упал от радости. - Луиза? Она посмотрела

на него. Ах! Эти большие глаза с широкими тенями под ними, матовые розовые щёчки, округлые плечи, в которых смутно угадывалась гармоничная волна, всё это тело, которое в один день станет принадлежать ему! - Луиза, вы согласны? Я покорный, я хочу вас. Я верю, что нас ничто не разлучит. Луиза, вы скажете мне «да»? Она наклонилась к мужчине, который умолял её. Улыбка её была очаровательной. Её мантия распахнулась слегка, и он увидел полоску груди под шеей. У него было огромное желание, и он едва сдерживал себя... Она сказала: - Нет! Он вздрогнул, как дерево под ударом топора. - Нет, мой друг! Вам надо хранить при себе, и всю вашу жизнь, и в другой жизни, если будет, вам надо хранить то, что вы видели сегодня вечером. Надо, чтобы это стёрлось в вашем мозгу. Она остановилась, уголки её губ дрожали от волнения. - Де Лайзе, я любила тебя, я всё ещё люблю тебя. Девственной ты мне открыл чуть-чуть удовольствия. Искусная в удовольствиях я бы теперь хотела вернуть тебе назад. Беске может сделать всё, ничто не унизит меня, и я не верю, что когда-нибудь смогу опуститься ниже своего достоинства. Но ты увидел то, что тебе нельзя было видеть. Надо было закрыть глаза, или хорошо, с открытыми... подглядев... надо было забыть, но забыть так, чтобы это кануло в Лету. Ты говорил, несчастный... Ты одинок здесь, как... И вот ты с леди Макбет, пятна которой невозможно стереть. Мне жаль тебя, де Лайзе! Я не ошибаюсь, читая желание на твоём лице. И такое желание, которое, я чувствую, гложет тебя, как рак!.. Ты любишь меня, но не можешь понять, что пятью словами разрушил — как щеславный человек, который желает всё только самое-самое — этот фруктовый сад, где зрели плоды, которые я бы осталась собирать и которые, возможно, были для тебя...